

Пролог

— Скажи, мам, Мари умрет?

— Конечно нет, дурачок! Я ведь тут! Как она может умереть?

Женщина ободряюще улыбается сыну и быстро отворачивается. В ее глазах читается тревога. Она мало верит в то, что говорит. Губы ее начинают шептать молитву. Неужели Господь хочет забрать к себе девочку, которая совсем недавно оказалась под их крышей? Жар у ребенка не спадает, дыхание тяжелое, с присвистом...

Сын хозяйки дома, Пьер, на коленях стоит у кровати. Он не сводит глаз с лица больной девочки, боясь, что вот-вот случится самое страшное. Ему очень хочется помочь ей, но мальчик понимает, что это не в его силах. И все-таки он будет рядом, хотя бы для того, чтобы, когда случится неотвратимое, закричать «Помогите!»...

— Во всем виновата хозяйка, мой сыночек. Как по мне, мадам Кюзенак не хотела брать ее в дом. Она с муссюром¹ никогда не соглашается, что бы он ни сказал — все не по ней! Ну как можно было посадить девочку на запятки экипажа и оставить трястись всю дорогу под проливным дождем? Как, я спрашиваю? Души у нее нет!

До Мари, заблудившейся между реальностью и бредом, временами доносится чей-то резкий голос. Наконец она его узнала: это голос Нанетт, женщины, которая по приезде приняла ее в своем доме. Девочка поняла и то, что говорившая чем-то недовольна. Она изо всех сил прислушивается, не желая терять связь с реальностью, боясь снова провалиться в темную пропасть горячки, полную неопределенных опасностей. Она чувствует себя совершенно разбитой...

¹ «Хозяин» на местном диалекте. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Отдаст ли она Богу душу? Монахини из сиротского приюта в Обазине, который она привыкла считать домом, говорили именно так, когда одна из сестер умирала. «Отдать Богу душу»... Мари не была к этому готова.

Она всегда думала, что жизнь хороша и полна радостей. Даже для нее, несчастной сироты...

Там, на небесах, встретится ли она со своими родителями, которые оставили ее сразу после рождения? Может быть... Она сумеет их простить!

Дыхание девочки учащается. Чьи-то руки приподнимают ее, и теплая жидкость течет в ее рот, но у нее нет сил сделать глоток. Целебный отвар проливается на ночную сорочку. Заботливые руки опускают ее на постель.

Мари проваливается в забытие, полное тепла и яркого света, и перед ее мысленным взором проносятся обрывки недавних событий, изменивших ее короткую жизнь...

Глава 1

Прощание с приютом в Обазине

Март 1906 года

— Мари! Мать-настоятельница зовет тебя в свой кабинет. Кто-то дожидается тебя в приемной. Поторапливайся, да не забудь снять фартук...

Девочка и сама слышала, как несколько минут назад прозвенел дверной колокольчик. Но у нее и мысли не возникло, что кто-то пришел, чтобы повидаться с ней...

Девочка часто представляла себе, как в один прекрасный день в комнату войдут красиво одетые мужчина и женщина с добрыми лицами. Ее родители раскроют объятия, и она кинется им навстречу, задыхаясь от счастья. Прекрасная мечта, которой не суждено сбыться.

Спеша выполнить приказание сестры Юлианны, Мари отложила нож, которым чистила овощи, — работа, исполняемая старшими воспитанницами по очереди, — и сняла испачканный фартук. Потом торопливым движением стянула с головы платок, который обязательно надевали все, кто помогал в кухне. Интересно, кто к ней пришел? После недолгого колебания девочка сняла ленточку, стягивавшую ее темные волосы, и разгладила складочки на своем сером платье. Кто бы это ни был, мужчина или женщина, внутренний голос подсказывал, что выглядеть она должна наилучшим образом. И тотчас же укорила себя за то, что грешит тщеславием, и любая из монахинь конгрегации Святого Сердца Девы Марии, исповедующих строгие моральные принципы, не преминула бы ее в этом упрекнуть.

Девочке предстояло выйти в приемную уже второй раз в этом месяце, и она немного волновалась.

Она пересекла двор, направляясь к построенному из светлого камня и украшенному парными колоннами зданию аббатства. Взгляд девочки скользнул по привычному пейзажу, которым она так часто любовалась: с одной стороны вьющаяся вдоль стены виноградная лоза, осенью радующая обитателей приюта вкусным виноградом сорта Шасла́, с другой — сад и небольшой огород, где шепчет фонтан. На плодовых деревьях кое-где начали лопаться почки, небо было чистым, но воздух оставался прохладным и влажным.

Мари подумала, что сама она, пожалуй, предпочла бы остаться в теплой кухне. Она очень любила бывать там. Обитатели приюта называли свою просторную кухню «замок», поскольку крыша этого помещения была украшена квадратной башенкой. В огромной комнате с красивым сводчатым потолком было так уютно! Гигантских размеров камин и кухонные печи распространяли вокруг себя приятное тепло.

«Может, тот мсье, что приезжал в прошлый раз, вернулся снова? — спросила себя девочка, и сердце ее забилось быстрее. — Нет, это невозможно! Он ведь ни о чем меня не спрашивал. Только долго меня рассматривал. И я ему не понравилась».

В начале XX века редко кто решался усыновить ребенка-сироту. Приют, притулившийся у стен аббатской церкви Святого Стефана в коммуне¹ Обазин, недалеко от города Брив-ла-Гайард, стал домом для нескольких маленьких девочек, оставшихся без родительской опеки. В шестидесятые годы XIX века, когда бедняков на улицах Брива стало намного больше и монахиням пришлось открыть центр благотворительной помощи, увеличилось и количество сирот. В это же время сестры конгрегации Святого Сердца Девы Марии основали в Обазине, в красивейшем здании старинного цистерянского аббатства, построенном в XII веке, сиротский приют. Мэр и представители епархии обратились к именитым и состоятельным жителям городка и окрестностей с просьбой обеспечить бедных сирот одеждой и пропитанием.

¹ Поселение городского или сельского типа, образующее низшую административно-территориальную единицу.

Теперь же монахини принимали под свою крышу не только местных пяти- и шестилетних девочек, чьи родители умерли или исчезли неизвестно куда, но и воспитанниц на полный пансион. В числе учениц были также девочки, которые посещали уроки в монастырской школе, но жили дома, в семьях. И пансионерки, и ученицы школы оплачивали свое пребывание в стенах приюта.

Случай Мари выходил за общепринятые рамки. Девочка стала одной из самых юных воспитанниц приюта. Ее предали на попечение монахинь из городской больницы Брива, когда малышке не исполнилось и трех лет. Поэтому Мари привыкла считать приют своим домом и знала в нем каждый уголок.

В те времена такой историей трудно было кого-нибудь удивить. Женщина, которая привезла малышку к матери-настоятельнице, коротко пояснила, что однажды вечером в больницу явилась повитуха с новорожденным младенцем на руках и сказала, что мать ее умерла при родах и перед смертью успела только попросить: «Назовите ее Мари».

Однако разве были у девочки основания чувствовать себя несчастной? В начале XX века дети, доверенные заботам монахинь, были обеспечены и пищей, и одеждой. Жители охотно одаривали приют орехами, съедобными каштанами, растительным маслом, молоком, мясом и фруктами. Кроме того, монахини обрабатывали два огорода, исправно снабжавшие приют разнообразными овощами. Еще у них был живорыбный садок, несколько плодовых деревьев и ферма с птичником, свинарником, клетками с кроликами и даже коровой! Чуть ниже садка разместилась мельница, которая поставляла в приют электроэнергию.

Одевали своих воспитанниц монахини благодаря щедротам богатых жителей Брива. При монастыре была и своя рукодельня, где воспитанниц учили не только вышивать и шить новую одежду, но и перелицовывать и перешивать старую. В том же, что не касалось материального обеспечения, Мари разделила участь всех брошенных детей, ничего не знающих о своем происхождении. Для одних это неведение было тяжким бременем, для других — необременительной ношей, в зависимости от характера. Мари не жаловалась никогда. От природы девочка была наделена покладистым и жизнерадостным характером. Но кто, скажите на

милость, может знать, какие печали и горести тяготят душу ребенка?

Мари поднялась на второй этаж, где располагался кабинет матери-настоятельницы. В кабинет она вошла с радостной улыбкой. Девочка любила и почитала мать Мари-Ансельм, прививавшую воспитанницам любовь к Господу. Мать-настоятельница была женщиной редкой доброты — неоценимый подарок неба бедным сироткам.

Монахиня ожидала ее прихода. Она долго раздумывала о том, стоит ли ей отпускать из приюта девочку, к которой была искренне привязана. Внутреннее чувство справедливости не позволяло ей отдавать кому-либо из воспитанниц предпочтение, однако же набожность Мари часто наводила монахиню на мысль, что в будущем она вполне может избрать монашескую стезю. Но станет ли любовь к Господу главным критерием выбора, когда Мари придет время выбирать? Если Всемогущий Господь избрал ее для служения себе, рано или поздно благосклонная судьба выведет девочку на правильный путь.

Для себя мать Мари-Ансельм решила, что было бы хорошо отдать Мари в состоятельную семью горожан из Брива. И вдруг с подобной просьбой к ней обратилась супружеская чета, живущая близ маленького городка Прессиньяк, что в департаменте Шаранта, то есть довольно далеко от Лиможа, столицы региона Лимузен¹. Эти люди искали девочку-подростка, которая смогла бы стать помощницей хозяйке дома. Из всех воспитанниц только Мари достигла требуемого возраста.

И все-таки мать Мари-Ансельм долго тянула с ответом. Прессиньяк — это ведь так далеко... Увидятся ли они когда-нибудь с девочкой снова? Не могла она не думать и о том, что Мари — девочка очень способная. Несколько месяцев назад она одна-единственная из воспитанниц блестяще сдала экзамены и получила свидетельство о начальном образовании. Ферма — не самое лучшее для нее место!

Однако перед внутренним взором тут же вставало бледное личико девочки с темными кругами под большими карими глазами. Она

¹ Регион на юго-западе центральной части Франции. Включает департаменты Крёз, Коррез и Верхняя Вьенна.